

УДК 94(517) + 94(510)

МЕСТО МЕНТАЛЬНОСТИ В КУЛЬТУРЕ ИМПЕРИИ ЛЯО (907 – 1125)*Г. Г. Пиков***MENTALITY IN THE CULTURE OF THE LIAO EMPIRE (907 – 1125)***G. G. Pikov*

Статья посвящена проблеме роли и места менталитета в истории и культуре киданей, создавших государство Ляо (907 – 1125). Показывается, что ментальность можно считать самостоятельной формой культуры, на базе которой в итоге складывается «высокая» культура. Она создает картину мира народа, создает необходимый набор идей и представлений для развития общества. Вырабатывается особый образ представителя народа (кидань). Взаимодействие ментальной и «высокой» культур в киданьском обществе идет на всем протяжении истории этого народа. Решающий синтез этих начал в киданьской империи идет в форме «возрождения». Особое значение для истории киданей имеет взаимоотношение народной культуры и ментальных субстратов китайской и других соседних культур. Тысячелетний опыт киданьской культуры показывает ее не менее высокий уровень развития, чем у оседлых обществ.

The paper deals with the role and place of mentality in the history and culture of the Khitan who created Liao state (907 – 1125). The author shows that mentality can be considered a form of self-culture, on the basis of which "high" culture develops eventually. It creates the people's picture of the world, and the necessary set of ideas and concepts for the development of society. A particular image of a representative of the people (Khitan) is developed. Interaction of mental and "high" culture in Khitan society goes all over the history of this nation. Decisive synthesis of these principles in the Khitan empire comes in the form of "Renaissance". Of particular importance for the history is the relationship of Khitan folk culture and mental substrates of the Chinese culture and other neighboring cultures. Millennial experience of the Khitan culture shows for at least as high a level of development as in sedentary societies.

Ключевые слова: Культура, ментальность, кочевники, кидани, империя, Ляо, народная культура.

Keywords: Culture, mentality, nomads, Khitan people, empire, Liao, popular culture.

Традиционно понимается, что соотношение народного киданьского и так называемого ляоского, т. е. имперского компонентов в культуре киданей всегда было в пользу ляоского. Традиционно же считается, что ментальность как мироощущение и мировосприятие возникает в недрах культуры, формируется в зависимости от ее традиций, социальных структур и среды обитания и характерна для больших групп людей (этносов, наций, социальных слоев). В этом плане она вторична по отношению к «высокой» культуре. Между тем в истории не менее заметно и формирование последней как завершение процесса складывания ментальности – способа адаптации к пространственно-временной ситуации.

Одним из примеров этого феномена является история киданей, восточноазиатского народа, создавшего в X в. могущественную империю Ляо (Серебряную, 907 – 1125). Мы видим формирование этноса, который на протяжении примерно пятисот лет опирается на идеи и рецепты кочевой цивилизации в целом и свои ментальные механизмы. «Кидань» как форма менталитета после возникновения империи способствует образованию имперской культуры, а феномен «Ляо», если учитывать и историю западнокиданьского государства, исправно функционировал еще около трехсот лет. Очевидно в этом случае, что сначала формируются и развиваются социально-психологические механизмы и именно на их основе образуются необходимые идеологические компоненты.

Средневековая ментальность может и должна восприниматься как такой же определенный тип культуры, что и «высокая» культура. Менталитет

можно определить как особый культурно-исторический феномен, отражающий универсальные константы социокультурной жизни [1; 2]. Игнорируется это часто потому, что различные общества в своем взаимодействии предпочитают иметь дело с культурами, созревшими окончательно, а не находящимися, так сказать, в стадии созревания (пертурбанный период).

У кочевников, в отличие от оседлых народов, «созревание» идет дольше и чаще прерывается посредством физического уничтожения. Развитие культуры прерывается искусственно и, если не происходит полного уничтожения этноса и его культуры, то он все равно попадает в подчинение иному сообществу и его культура растворяется. Не случайно на Востоке существует много этносов и мало культур. Речь идет именно о созревших идеологически культурах. Европа же в этом плане чуть ли не заповедник культур, ибо там практически все этносы вырастили полноценные культуры (античные, кельтские, германские, средневековые).

Соответственно можно говорить о том, что «высокая» культура есть результат многовекового развития ментальной культуры. Исследователи долго изучали лишь готовые цивилизационные и культурные конструкции, а подготовительный этап недооценивали или рассматривали их в рамках иных конструкций. Этническое развивает свою стратегию выживания на основе адаптации к природной среде с целью трансляции во времени. Итогом этого процесса является строительство культуры как «дома», надстройки, которая решает определенную социально-политическую

задачу и, пройдя свою судьбу до конца, уходит, отмирает.

Киданьский вариант, существовавший тысячу лет, – один из редких в истории Восточной Азии практически чистых примеров полноценного формирования имперской культурной традиции на основе ментальной культуры. Образование киданьской империи в X в. – один из удивительных процессов в восточно-азиатской истории, который вывел социально-политическую эволюцию кочевых народов на наивысший уровень [4]. Именно киданями была основана классическая кочевая империя. При складывании новой державы шло и активное сканирование и различных иноземных вариантов культуры, в том числе конфуцианского, идеи империи, заимствование китайской титулатуры. Даже тот факт, что история киданей делится на несколько своеобразных периодов (простое племя, союз племен, империя, постимперская ситуация), позволяет априори утверждать, что этническое сознание и, следовательно, картина мира развивались сложно и проблемно. Отсюда яркими особенностями киданьской культуры является ее синкретичность, сложность и уникальность.

Киданьская культура уже в додинастический период активно синтезирует свое и чужое в виде своеобразной дробы. Предпочитает свое и помещает его в числитель. Она и не может поступать иначе. Если культура предпочитает чужое или общее, она начинает медленно угасать. Европейская цивилизация берет идеологию всего метарегиона в числитель, но она в значительной степени уже результат и собственного развития, образовалась уже в древности. Впоследствии так называемое Северное Возрождение начнет осваивать греко-римскую античность, но вскоре столкнется с конфликтом ее со своим прошлым (Великое Переселение Народов). У киданей не оказалось золотого века типа Великого Переселения Народов, возникновение их этноса было связано с разгромом конгломерата племен, в который они входило прежде. Это одна из причин того, что они так активно используют не чью-то «высокую» культуру, а свое ментальное начало.

Естественно, что религия и мифология являются важнейшими компонентами духовной культуры восточно-азиатских народов, в том числе и киданей. Религиозная жизнь кочевой империи, типичным образом которой была восточная киданьская империя, характеризуется исключительной сложностью. Эта сложность обусловлена специфическим процессом трансформации племенного союза в комплексное земледельческо-скотоводческое государство.

Можно видеть несомненные исторические этапы развития киданьского мировосприятия и мироконструирования. Периода исходного формирования не было, ибо комплекс «кидань» создан был искусственно на базе осколков различных родов, а те в свою очередь тоже появились раньше. В результате можно говорить об общекочевом субстрате, который оказался в форсмажорной ситуации. Если тюркские племена могли от натиска соседей уйти на Запад и захватить чужие земли, то киданям уходить было некуда и они вынуждены были строить своего рода оборонительный лагерь (в итоге в форме империи). На примере

киданей можно увидеть то, что происходит с кочевой картиной мира в рамках замкнутого метарегиона («Север» по классификации автора «Цидань го чжи» Е. Лунли).

Считается, что картина мира додинастических киданей имела достаточно ярко выраженный космоцентрический характер. Действительно, в киданьской картине мира Небо контролировало всю ойкумену и влияло на жизнь всех людей и каждого из них отдельно. Одним из логических следствий этого положения было представление о необходимости активности человека. Если в Европе в ходе серии ренессансов (Готское, Каролингское, Оттоновское, Высокое) обязательно делается акцент на своеобразной реабилитации человека, борьбе за него, то у кочевников не было необходимости в этом, ибо он и так был на первом месте. В этом плане их культуру можно назвать более антропоцентричной, чем средневековую европейскую. Какая-то корректировка соотношения сакрального и секулярного в силу этого проводилась через идею закономерной гибели «неправильной» династии или замены ее на выполняющую Волю Неба, т. е. следующую цивилизационной парадигме. Шла также борьба за «возрождение» империи за пределами ханьского мира. Об этом кроме киданей мечтали хунну, тангуты, чжурчжэни, монголы. Сложившийся в Восточной Азии треножник центров-сил (Север, Запад, Центр) в значительной мере есть результат их вынужденного компромисса, равновесия сил. В результате, думается, скорее можно говорить не о космоцентричности, а о социоцентричности киданьской картины мира. Европейская культура делает акцент на «религии» как системе объединяющих идей, кидани и другие кочевники – на социально-политической практике. И это работает не менее эффективно.

Необходимо отметить, что идея всемирного влияния Неба («от рассвета до заката») давала возможность сразу строить не «островную» культуру, с ориентацией на достаточно замкнутый этно-географический район (типа древнееврейской «Земли Обетованной»), а культуру огромного «мира» с открытыми границами на все стороны света, по крайней мере кочевое. Лишь в период империи был сделан акцент на географически точной территории («Ляо» – район р. Ляохэ).

«Человечество» для киданей – не одни только кидани или китайцы, а все люди под Небом, хотя, конечно же, киданьские политические лидеры, равно как и авторы исторических и политических сочинений подчеркивают этнические и культурные отличия народов друг от друга.

В народной киданьской картине мира проявляются общецивилизационные черты. Есть присутствие триады миров. Особую роль играют религиозные концепты и рецепты. Однако народная культура не в такой степени замешана на религии, как оседлая. Если модель культуры представить дробью, то она будет выглядеть так: Народная культура / имперская идеология. Здесь религия – лишь часть культурного пространства.

Киданьская элита в период империи переворачивает дробь и имперскую идеологию помещает в числитель, хотя делает акцент на властной вертикали,

силе, идее завоевания. Киданьская властная элита допускает в «высокой» культуре сочетание некоторых конфуцианских норм и отдельных кочевых социально-политических рецептов. В результате ни киданьские низы, ни элита не берут в полном объеме ни народную культуру, ни имперскую идеологию, проводя их фильтрацию и создавая в итоге внятно отличающиеся друг от друга картины мира. В период империи увеличивается количество и качество различий между основной массой общества и элитой. Некочующие правители государства начинают отдаляться от племенной массы.

Кидани на всем протяжении своей истории оставались кочевниками и полукочевниками, и лишь некоторая часть элиты пыталась создать новую цивилизационную конструкцию, при этом оставляя почти нетронутыми онтологическую (представление о происхождении мира) и аксиологическую (система морально-этических норм) части. Абаоци произвел фактически лишь политическую революцию, приняв идею империи и надстроив ее над культурой. Сооружение оказалось шатким и недолговременным. Здесь видится экзистенциальный конфликт. Кочевой менталитет нацелен на вечное и неизменяемое существование, а имперская, ханьская по происхождению, идеология ориентирована на форс-мажорную ситуацию - противостояние с соседями в условиях резко обострившихся во всем восточноазиатском регионе социально-этнических и политико-экономических отношений. В подобной ситуации Чингис-хан пошел на выход за пределы Монголии, но здесь еще было мало возможностей для широкомасштабной экспансии.

Все же «варварская» кочевая империя как раз тем и отличается от ханьской, что ментальность для нее более значима и остается в числителе, остальное – в знаменателе.

Для ханьских территорий конфуцианство есть некое порождение и завершение ханьской же ментальности, поэтому там противоречие между обыденным и официальным, ученым не существует, там есть только различие в степени так называемой учености: насколько человек не только пользуется возвращенной на конфуцианстве культурой, но и знает конфуцианские тексты. По сути, все мировые религии складываются на основе ментальности метарегиона.

Необходимо отметить, что варварский азиатский мир в лице киданей на базе своей собственной ментальности мировой религии не создал. Есть лишь общее представление о Небе «от восхода до заката», которое присуще и монголам, и тюркам, в том числе и современному тюрко-монгольскому миру. Оно и позволяет существовать, не создавая какие-то очень сложные варианты, типа конфуцианства или христианства. По этой причине в Степи на базе ментальности как культуры чаще всего создается такой тип государственности как каганат, т. е. конструкция, которая способна решать вопросы нападения, набега, обороны, внутренней демографии, коллективных действий в условиях ограниченного региона и т. п., и не больше, хотя и не меньше. Естественно, у нее есть возможность и даже необходимость для постепенной эволюции и трансформации в нечто более сложное, но далеко не всегда она реализуется. Для того, чтобы

создать такую сложную иерархическую структуру, как империя, которая обязательно включает в себя массу чужих этнических и социальных групп, в том числе и оседлых, одного этого народного субстрата не достаточно. Тем более, что оседлые, как в Ляо, это не только ханьцы и жившие в южных районах государства хань-эр (китаизированные), но и представители тунгусо-маньчжурского мира, среди которых есть и лесные жители. Для примирения кочевого и оседлого секторов в Ляо была создана особая дуальная администрация.

У киданей в государстве проживали родственные племена с близкой культурой. Особый судебник (типа Ясы) или конституция были не нужны. Все это с успехом заменяла народная культура. Указы императоров касались конкретных проблем. Обычай часто просто заменял закон и достаточно эффективно. Только у живших в южных регионах хань эр существовали сложные нормы.

В любом менталитете существует акцент не только на запретах, но и на предписаниях, на моделях совершенного человека. У киданей, да и у кочевников в целом, складывалась модель, быть может, более подходящая для экстраординарных случаев, связанных с нестабильностью кочевого хозяйства, сложностями погоды и частыми внешними нападениями. У них практически в форме неписанных правил регламентировано все поведение. Главными, по сути, являются принципы «надо» и «делай как я». «Кидань» – не просто этноним, но и в той или иной мере идеал мужчины, всадника, воина, представителя элиты.

Синтез народной и высокой культур в Ляо происходил в форме «Возрождения» (о понятии «возрождение» и его роли в истории культуры, в том числе киданьской [см.: 3; 5]). Киданьский Ренессанс – период интеллектуального и культурного возрождения в эпоху правления киданьской династии Елюй. В это время наблюдался расцвет литературы, истории, искусств, архитектуры, юриспруденции. Само Киданьское Возрождение есть смысл определять как возрождение традиционной киданьской культуры на новой культурной основе – китайской культуре как культуре восточноазиатского метарегиона. Это и обусловило складывание синкретической «имперской» культуры, в которой «материнская» (киданьская) культура используется не бывало активно, но искусственно, т. е. фактически осуществляется своеобразное «возрождение» «сверху», которое носит служебный характер.

Здесь неизбежно возникает еще одно противоречие киданьского ренессанса. Кидани в обоих государствах (Ляо, Си Ляо) пытались сочетать киданьскую и китайскую культуру, которые опирались не только на культурные и ментальные основы, но и на разные «древности». Если на первом этапе (период правления первых трех императоров) шло хотя и сложное, но активное освоение культуры метарегиона как китайской, то в дальнейшем эта культура вступила в противоречие с собственно киданьской «античностью», когда они одерживали свои победы над различными народами, в том числе и над китайцами. К тому же разрушение этно-политической системы на севере империи шло гораздо медленнее, чем складывание имперской структуры, и возникали естественные на-

пряженные отношения между тремя пластами культуры – китайской на юге, киданьской в центре и кочевой на севере и западе. В глубоком противоречии в империи Ляо оказались различные ментальности, прежде всего, киданьские и китайские, а также киданьские и тунгусо-маньчжурские.

Особенность империи как раз в том, что она не осуществляет внешнюю экспансию, а переходит к обороне и защите своих обширных границ. Кидани создавали свое государство и это самое яркое доказательство того, что его границы были предназначены для того, чтобы строить стационарное и сложное общество, а не бесконечно завоевывать окружающее пространство. Вся история киданей и других кочевников – это строительство цивилизационных конструкций, а не божествование и разбой, как считали представители оседлых обществ. Киданьское общество не было «разбойничьим», такой миф создавали их соседи ради конъюнктурных целей, но он, увы, жив до сих пор. Можно уверенно утверждать, что кочевая картина мира в целом и киданьская в частности не предназначена и даже не годна для разбоя и территориальной экспансии, где особую роль играет жажда добычи. Она эффективна лишь для стационарного общества, пусть и существующего на широком пространстве (для нужд кочевого образа жизни). Деление на кочевников и оседлых оправдано только в хозяйственном отношении, а в цивилизационном любой народ строит свой «дом» на одном месте. Отсюда и акцент у киданей в итоге на «Ляо» как названии, связанном с вполне определенной территорией. Да и кочевые объединения по размерам были не больше тех империй, которые создавали оседлые народы. История свидетельствует о достаточной эффективности цивилизационной и экзистенциальной стратегии кочевников: кочевой мир просуществовал несколько тысяч лет, одни только кидани существовали тысячу лет.

В то же время стоит отметить, что киданьская модель – апогей цивилизационного конструирования кочевников, ибо они фактически использовали и исчерпали все средства строительства синкретического мира. Чжурчжэни лишь копировали их модель и умело использовали киданьские рецепты. Однако долго эта ситуация уже не могла сохраняться. Монголы в Азии еще несколько сот лет господствовали, но потом стал складываться тюрко-монгольский мир, который и сейчас ориентируется, прежде всего, на народную культуру, что говорит о больших ее потенциях и эффективности и в современных условиях.

У киданей по горизонтали идет взаимодействие кочевой и ханьской культур и этот процесс более важен для них. Это вполне объяснимо, ибо с трех сторон их окружают близкие культуры, а с юга идет самая широкая и глубокая цивилизационная экспансия. Здесь и созрел самый широкий и, как казалось многим киданям, самый опасный цивилизационный конфликт. Кидани прочитали идею империи по-своему, взяли из нее несущие конструкции, своего рода столбы и создали фактически лишь укрепленный лагерь. Моделью киданьской империи образно может считаться юрта. Она могла управлять перекочевками, набегам, но это не был дом, двор, как в Хань. У нее не было «огорода», т. е. прикрепленного простран-

ва. «Юрта» и «двор» – два символа, два образа, символизирующих два разных понимания империи. Однако в основе этих различий в понимании – две разных ментальности. Киданьская ментальность очень мощна и не может уйти в знаменатель, тогда бы это была обычная китайская империя, что тоже невозможно. Две ментальности напоминают две жидкости, которые не смешивались, одну из них в любом случае надо было «вылить». Однако парадокс в том, что они обе все же были нужны киданьскому обществу. В результате со временем эти два компонента вступили в сложную цепную реакцию. Взрыв происходит не сразу, и в данном случае надо отметить, что этот взрыв как гибель Ляо был результатом не только внутреннего развития, но и внешних, в том числе ментальных факторов и причин.

Проблемы восточных соседей киданей тоже надо было каким-то образом решать. Был коридор для возможной экспансии на запад, но тюрко-сибирский мир уже не интересовался киданями, однако восточный коридор таил неожиданные опасности. Здесь накапливалась иная ментальность, которая недооценивалась. Никаких естественных и искусственных препятствий для ее ползучей экспансии не было и «восточные иноземцы» активно впитывали киданьский опыт, «подрастали» и стали готовы к созданию своей обширной государственности. Здесь столкнулись не культуры, а две ментальности, которым не суждено было найти общий язык.

Можно говорить, что решающим внешним фактором гибели Ляо стала победа не китайской ментальности и культуры, удар пришел со стороны внешне более примитивной ментальности восточных племен. Эта ментальность казалась незаметной и незначительной. Кажется, что это было просто восстание мятежника и узурпатора Агуды, который воспользовался моментом.

А потом история повторяется на западе. Западная Монголия останется вне интереса чжурчжэней. Если кидани недооценивали Восток, то чжурчжэни – Запад. В конце концов как на Востоке появился Агуда, так на Западе должен был появиться Чингис-хан. Все это еще раз подтверждает мысль о том, что недооценивать ментальную культуру нельзя.

На Севере кидани, чжурчжэни, монголы сумели сохранить свое ментальное ядро как центральное в общественной конструкции. Их презирают, недооценивают, но именно они регулируют и направляют всю средневековую восточноазиатскую историю. Как «недоразвитые» франки некогда создали самую мощную государственность в Галлии, которая существует до сих пор, так и эти народы создали уникальные варианты кочевых империй, смогли устроить свои «ураганы» и в конечном итоге придать мощный импульс для трансформации евразийского мира.

Потерпели в итоге поражение не сами кидани, а кочевой способ существования, ресурсы которого были исчерпаны, поэтому-то на чжурчжэньский и монгольский «эксперименты» ушло гораздо меньше времени.

Ментальное из истории уходит медленнее. Сначала умирает государство Ляо, но какое-то время продолжает существовать этно-ментальная конструкция

«народ китаев» (китай и кара-китай). Постепенно и этот высыхающий ручеек вольется в тюрко-монгольский океан.

Таким образом, на киданьском примере, как и на любом другом из истории кочевого и полукочевого

мира, можно видеть особую эффективность народной культуры в истории вообще, в разных, в том числе и экстремальных, ситуациях, для решения разных задач. В соревновании с мировыми религиями она эффективно отстаивает право на существование до сих пор.

Литература

1. Дашковский П. К. К вопросу о соотношении категорий «менталитет» и «ментальность»: историко-философский аспект // *Философские дескрипты*. Вып. 2. Барнаул: Изд-во Алтайского гос. ун-та, 2002. С. 36 – 40.
2. Марков Б. В. Разум и сердце: история и теория менталитета. СПб.: Изд-во СПб госуниверситета, 1993. 229 с.
3. Пиков Г. Г. Из истории европейской культуры: учебное пособие. Новосибирск: Изд-во Новосибирского госуниверситета, 2002. 255 с.
4. Пиков Г. Г. Киданьское государство Ляо как кочевая империя // *Кочевая альтернатива социальной эволюции* / отв. ред. Н. Н. Крадин, Д. М. Бондаренко. М.: ИА РАН-ЦЦИРИ, 2002. С. 192 – 194.
5. Пиков Г. Г. Киданьский «Ренессанс» // *Древние культуры Монголии и Байкальской Сибири: материалы Междунар. науч. конф.* Улан-Удэ: Изд-во БГУ, 2010. С. 267 – 281.

Информация об авторе:

Пиков Геннадий Геннадьевич – доктор культурологии, доцент, заместитель заведующего кафедрой всеобщей истории гуманитарного факультета Новосибирского государственного университета, pikov@gf.nsu.ru, gennadij-pikov@yandex.ru.

Gennady G. Pikov – Doctor of Culturology, Associate Professor, Vice-Head of the Department of World History, Novosibirsk State University.

Статья поступила в редколлегию 31.07.2014 г.